

Рецензия на книгу Андрея Лазарева «Иллюзия неогуманизма»

Современный книжный мир — безбрежен. Нельзя сказать, что в нем есть все: возможно, чего-то мы в нем и не встретим. Однако этот мир книг оказывается в состоянии поместить и вместить в себя все что угодно: разные темы, разные жанры, разные сюжеты и еще много-много разного. И здесь трудно не потеряться.

Андрей Лазарев стремится говорить со своим потенциальным читателем о традиционных вещах, о которых уже сказано немало. Причем сказано авторитетными и получившими заслуженное признание людьми. Речь идет о добре и зле, свете и тьме, чистоте и грязи, прекрасном и безобразном. О противостоянии этих сил сказано, пожалуй, уже так много, что трудно всерьез сказать нечто новое.

В рассказах, помещенных в книгу, и в повести «Интеграция» автор берет на себя ответственность говорить именно об этом и стремится показать, как человек оказывается границей и местом противостояния таких сил. Делает он это обстоятельно и со знанием дела, как поживший и продумавший содержание своей жизни человек. И речь идет не о *happyend*-е и не о том, что всегда побеждает доброе, светлое и честное начало.

Автору удается показать падение и погружение людей на самое дно, а точнее — раскрыть бездонность распада, связанного с тем, что темное начало, так же как и начало светлое, может захватывать и вбирать в себя всего человека.

Однако встает вопрос о том, на что может надеяться человек, погружаясь в бездонное, и может ли он при этом вообще на что-то надеяться. Вопросом остается и то, что остается человеку.

Андрей Лазарев показывает, как непросто происходит очеловечивание и внутреннее выпрямление человека, так же как показывает и то, что в процессе возврата к жизни, а точнее — к себе самому

надеяться фактически не на что. Единственное, что остается, так это научиться самому выбираться из созданного тобой же положения и преодолевать себя. И здесь важнейшими координатами обратного пути становятся одиночество, поступок и светлые воспоминания человека о детстве и отрочестве.

Одиночество понимается как непреходящий и неотъемлемый момент обращения человека к себе и в свою сторону, в сравнении с которым все остальное раскрывает себя как фикция и иллюзия. Поступок становится моментом концентрации и переломной точкой совершающегося поворота. Воспоминания о наполненных светом детстве и юности связываются с осознанием, что они-то и были временем рая. Андрей Лазарев еще раз показывает, что рай всегда осознается нами в своей утрате: будучи в раю, мы не знаем об этом и, более того, стремимся вырасти и поскорей его покинуть. А когда понимаем это, осознавая и опознавая такие места и времена, дававшие нам силу и радость, в своих воспоминаниях как рай, то понимаем, что их мы уже потеряли.

Хочется пожелать читателю проникнуть в авторский замысел, который, возможно, позволит понять в себе что-то важное и значимое. Хочется также пожелать автору новых идей и их воплощений в других текстах.

Сергеев Андрей Михайлович
доктор философских наук, профессор

дай мне, Господи, сил на столетия.
дай мне смелости в один шаг
преступить ту черту, где в ответе я.
где я жил — черт те знамо как.

рви гармоника запропащая,
раздувайся мехами влет.
чтоб судьбина — кобыла лядащая
снулой рыбою нас в перемет
не сложила, не продуванила —
целины непочатый край.
не законами, но по правилам
отмостить бы дорогу в рай.

а когда вдруг убудет, но вспомнится
то святое, что нес в груди —
сквозь распутицу да бессонницу
пуще прежнего сбереги.

ИНТЕГРАЦИЯ*

Повесть

* Integration — процесс, с помощью которого части соединяются в целое; на личностном уровне — состояние организма, когда все составляющие элементы индивида, его черты или качества действуют согласованно, как единое целое.

Глава 1

Остров

Колеса трамвая выдавливали грязно-ржавую жижу из колеи рельс. Меланхоличные трамвайные звонки, казалось, с натугом разрывали свинцовую хмурь упавшей серой пелены, пробиваясь отголосками через вязкий и плотный туман.

Егор щелчком отстрелил смятый окурок в направлении урны. Не попал. Отскочив от стенки, хабарик срикошетил напрямиком на лоснящуюся блеском брючину. Идущего скорым шагом крупного мужчины.

Не дожидаясь очевидного, Егор припустил через мостовую, осклизаясь на трамвайных путях стоптанными башмаками, обогнул пару черных джипов, окончательно разъехался ногами по брусчатке и крепко приложился головой об колдезный люк. С искрами из глаз. Как в сказке.

* * *

Вздвогнув, Егорча очнулся из кошмара в явь. Над головой привычно нависал дощатый потолок с набитыми мхом пазами. Доска пятидесятка, уложена плотно. Поверх мха для пущего тепла слой мелкого песка сантиметров в двадцать.

Однако заметно повыветрило за ночь. Избушка старая, просела со временем. Вон и дверь уже шоркает об косяк, напоминает о себе.

Пора, пожалуй, и подтопить. Под утро самое то. Для сугреву.

В печи была хитрость. Специально сотворенная. Обычная плита с отсеком для готовки и духовкой. Духовка за давностью лет выгорела и служила добавочным коленом под тягу. Хитрость заключалась в том, что перед тем как запа-

лить поленья в основной топке, следовало, приподняв кольца над духовкой, просунуть сверток бересты напрямик под трубу.

Только в том разе пламя, загудев, уходило из топки через духовку в самый низ печи, вырываясь искрами после в высоко выпущенную трубу над крышей.

Егорча привычно подпалил берестяной сверток, скоро подсунил его под трубу и тут же запалил лучиной расщепленный смоляк в топке. Уже через пять минут изба освещалась всполохами пламени из чуть приоткрытой дверцы, а завываниям ветра снаружи вторило уютное гудение печурки. За окном рваными кусками стелился предрассветный туман, обволакивая склонившиеся книзу тяжелые еловые лапы.

Место было глухое. Из-за обилия поваленных штормовыми ветрами с озера вековых елей остров назывался «Медвежий» или «Кархусаари». «Кархушуари» на местном диалекте. На зиму под вывороченными корнями укладывались на спячку медведи. Отсюда и название. Одна, а то и две берлоги каждый год. Медведей били местные. Обычно в январе, феврале по озеру приезжали на буранах к заранее выведенным берлогам. Били с «калашей», вовремя выкупленных у ушлых прапоров с расформированной семь лет назад погранцовской части.

Весной, бывало, местные загоняли по насту лосей, наполняя лес треском буранов и отрывистыми хлопками карабинных выстрелов. Видимо, благодаря этим промыслам, да и тому, что места были глухие, дикие, наведывались по льду на остров и волки, привлеченные запахами свежей крови.

Егорча, убаюканный теплом, заново задремал. За окном сложились предутренние сумерки.

Очередной сон, невнятный, сквозь дрему. Егорча, в то время еще Егор Балазейкин, менеджер отдела оптовых продаж, нервничает, суетливо вертится в ожидании. С обратным откатом обычно всегда так. Сидишь, втихую высчитываешь проценты, выходишь из офиса договариваться со снабженцем по мобиле. Потом обоснование демпинга, служебная записка в отдел безопасности и финансового контроля. Подписи, визы, накладные, расчетные листы. И долгожданный дележ обычно где-нибудь возле метро.

Новый заместитель начальника отдела копал под Егора давно. Так глупо попасться на отчетности. Кто же мог знать, что откатные схемы с недавних пор фиксировались в экселевском файле отдельно от всех менеджеров. Погорел Егор Балазейкин на банальной жадности, оборзев в снижении процентной наценки. И вот он, «ковер», после контрольного мониторинга переданных клиентов.

Начальник службы безопасности Тихомиров Павел Сергеевич. Замначальника отдела оптовых продаж Соболев Александр Сергеевич. Коммерческий директор Степунов Борис Федорович. Сидят в переговорной. Перед ними стоит Егор.

— Триста тысяч, Егор, возмещать будешь налогом, лично Павлу Сергеевичу под приходные ордера. Мы не звери, поэтому сроку тебе две недели. Трудовая пока у нас. По какой статье будешь уволен, решит генеральный.

— Я, Борис Федорович, это ошибка какая-то, правда. Они действительно всегда по бонусам работали, еще с прошлого года.

— Егор, они-то работали. Ты только уже десять минут не можешь нам объяснить, почему эти бонусы выросли в два раза за последние три месяца. Притом что объемы отгрузок те же, контактные лица те же. А контрольный звонок началь-

нику отдела снабжения с подачи Александра Сергеевича выявил, что твои же клиенты и не подозревают об изменении схемы бонусирования. Нам это как понимать, Егор?

Руки липкие. И, кажется, совсем некуда их деть. Кровь шумно, осязаемыми толчками стучит в голове.

* * *

Егорча, вздрогнув, очнулся, смахнул со лба липкую паутину испарины. Откинул бушлат, неторопливо слез с нар. Поставил черный от копоти чайник на печь. Надо будет натащить еще дров в избу под нары из-под навеса сегодня. Пусть сохнут. Дожди зачастили. Промозгло. Сыро.

Ночью опять приходила рысь. Егорча выглянул в запотевшее окно, протер рукавом мутное стекло. Так и есть, вон миска на чурочке у костровища. С вечера была полна щучьих костей, ныне пуста.

Наведывалась рысь примерно раз в неделю. Обходила избушку, запрыгивала на чердак и, мягко ступая, укладывалась в дальнем углу под настилом крыши. Егорча сушил там сети от дождя и, залезая, видел аккуратную цепочку следов. Наверно, стойкий запах рыбы от сетей и привлекал рысь. Судя по глубоко вдавленным отпечаткам, она была крупная. Егорча так ни разу и не видел ее, только слышал едва уловимые шорохи иногда ночью. Рысь его не боялась.

Егорча вышел наружу, зябко ежась, помочился за углом. Отчего-то постоял с минуту, прислонившись к замшелому срубу. Смотрел, как пенится, пузырится во мху конденсат его ночных кошмаров, стелясь понизу теплым паром.

Небо сквозь ели было отчетливо близким, нависало серой пеленой, давило беспросветностью.

Егорча вернулся в избу, плотно прикрыл за собой дверь. Чайник чуть слышно шумел на печке. Пора чифирять. Алю-

миниевую кружку черно-маслянистого чая брать можно только через рукав. Нагревается моментально. Заваривал Егорча прямо в чайнике, добавляя брусничного и черничного листа. Умопившись на деревянном скрипучем табурете, задумчиво потягивал, шумно прихлебывал, обжигаясь, через край. Вспоминал былое «цифирянье».

* * *

Бухал коммерческий отдел остервенело и ежедневно. Но с филигранной четкостью сохраняя тонкую грань между «осадком» и «прухой». Егор Балазейкин числился надежным ходокком и каждый день примерно в двенадцать совершал прогулку до ближайшего магазина за коньяком. Пили все. Несмотря на то, что внутренний контроль и распорядок подобного не предусматривали категорически.

Коллеги Егора, да и он сам, именовались специалистами. На самом деле все они оставались типичными менеджерами, но в рамках иерархии имели большие привилегии, нежели офисные операционисты. Бухло для коммерческого отдела было сродни ежедневной дозе допинга. Вязь телефонных разговоров, превращающих их отдел в гудящий пчелиный улей с самого утра, требовала, как им казалось, соответствующего стимулирования.

В рамках отдела осуществлялось это по негласной внутренней солидарности посредством систематических возлияний. Стойкое амбре предусмотрительно сбивалось туалетной водой, помещение постоянно проветривалось. Готовность к внеплановым совещаниям поддерживалась наличием на столах специалистов остро-мятной жвачки.

У некоторых в ящиках столов хранились пакетики модного «спайса». На нем Егор и погорел.

Как правило, втихую потрошилась обычная сигарета на лист А4. Фильтр обрезается почти целиком, чтобы осталась

тонкая формальная стенка. После три четверти зеленых ошметков «спайса» вперемешку с четвертью табака. По возможности максимально плотно утрамбовать. С опаской в туалете задуть в несколько глубоких затягов.

Вот после подобных манипуляций и был вызван Егор Балазейкин к генеральному на экстренное совещание. К тому времени в Егоре уже уютно покоились триста грамм коньяка и пара пол-литровых банок джин-тоника. Совещание было кратким и конструктивным. В ответ на невнятные попытки Егора сформулировать хоть что-то членораздельное и по существу генеральный, Даниил Владимирович, лишь криво усмехнулся.

— Егор, вот только честно, пьяный?

— Есть немного, Даниил Владимирович.

— С чего так?

— Случайность, Даниил Владимирович.

— А что зеленый-то такой, Егор?

— Не знаю.

— Ладно. Достали вы меня уже. Завтра станешь показательным прецедентом.

Прецедент запомнился коллегам Егора надолго. И надолго отвратил коммерческий отдел от ежедневного желания балансировать «на грани». Вот только к Егору это уже не имело никакого отношения. В тот день Егор покинул офис с растерянной непонимающей улыбкой на лице.

* * *

Егорча тихо сам себе улыбнулся и отставил пустую кружку на край стола. Сперва выбрать сети. Пока сохнут, вычистить рыбу. После можно будет отнести нехитрую посуду на берег, отмыть песком. Кружка, миска с ложкой, котелок да маленькая сковородка с гнутой ручкой.

«К обеду, пожалуй, разговееется» — думал Егорча, бредя чуть заметной тропкой к берегу, где была надежно укрыта в корневище вывороченной сосны его лодка.

Самое сложное по осени было выбирать сеть на том же ветре. Особливо, если он усиливался к утру. Ставить одному, как и снимать, Егорча приноровился. Даже если ветер сменялся, все равно аккуратно тянул легкую лодку за сетью, плавно, без рывков выбирая метр за метром. Да и ставил по хорошим местам, без коряг и ям.

Хуже было, если ветер тот же, а снимать следовало предельно быстро, пока не закрутило лодку поверху, сворачивая сеть в веревочный жгут. Пока пропустит, развернув, пару раз под днищем, потом часа три переворачиваешь, перекидываешь кольца с руки на руку, обходя вешала.

Разбирать сети время, по большому счету, было. Жаль только упущенных горбатых судаков и стремительных серебристых лососей, пока вместо того, чтоб аккуратно окутывать их мешком, приходилось попусту вертеться, выбирая скомканную сеть.

Егорча столкнул лодку, тихо, на веслах, пошел в проливы. Там и ставил сети, не более трех штук за раз, в укромных безветренных заливах. Мелочь шла на уху, крупняк на печено, либо на засол.

Вскоре встанет озеро тонким хрупким ноябрьским льдом. Это самое сложное время для Егорчи. Летом моторкой до ближайшей деревни полчаса ходу. Зимой на лыжах часа три по озеру. Осенью, пока вставал зимний лед, Егорча отсиживался на острове, потребляя запасы и промышляя охотой на отъевшихся за лето глухарей и рябчиков. Брать их можно было только выдержкой и терпением, благо время позволяло.

Заветные высокие суки на соснах Егорча знал наперечет. Оставалось только сподобиться пролежать часов пять кряду недвижимо с ружьем наизготовку. Это тебе не весна, когда глухарь, токуя, ничего не слышит вокруг, окромя собствен-

ного забвенного клекота. По весне только ступай постепенно ближе и ближе, хоронясь за стволами, принаравливаясь промеж веток, ловить на мушку, сдерживать азартное дыхание.

* * *

Азарт сделки Егором Балазейкиным был на самом деле прочувствован в полной мере и по-настоящему. Это совсем не то, когда ты проворачиваешь миллионный контракт на радость своим работодателям. Тут иное.

Спустя некоторое время после увольнения за залет по откатам Егор совершил техничный подгон по своим старым завязкам. Он знал, кому передали его клиентскую базу. Знал схемы бонусирования и ответственных контактных лиц. От имени левого юрлица Егор технично склонил потенциального клиента на свою сторону, заведомо опустившись в откате на нереальные на рынке условия. Откат отдавать он не собирался.

Отгрузка, впрочем, прошла вполне официально, по фактурам все сходилось, все печати были проставлены. Полтора миллиона рублей отката Егор обналичил через серую контору в свой карман за вычетом десяти полагающихся процентов, сменил номер телефона и думать забыл о возможных последствиях.

Последствия всплыли через пару месяцев, когда Егора вечером встретили у парадного хмуролицые субъекты, сославшись на данные некогда обязательства.

Когда Егора выписывали из больницы спустя полтора месяца, он ждал очередного визита «гостей», но обошлось. То ли у «обрящивших» появились более предметные интересы, то ли о нем попросту забыли. Егор не стал испытывать судьбу и, наскоро сложив в сумку приятные наощупь пухлые, тугие пачки дензнаков, отбыл в неот্যাгощенные мирской суетой пространства.

Так он оказался на острове.

Остров горбатился плотной стеной темного елового леса. В заливе было спокойно. Легкая рябь чуть плескала в борта лодки.

Егорча медленно выбирал сеть. «Сороковка» по каменной углубине обычно давала пять-шесть хороших сигов. Тяжелый сиг обычно лишь чуть впутается мягкими жабрами, нахватает ячею в пасть. Даже когда тащишь его в лодку, чаще висит безвольно. Это тебе не щука или судак, которые бурунами вспенивают воду в отчаянном рывке. Их и чувствуешь заранее, только подтягивая сеть, которая сразу ощутимо дергается в руках.

Тщательно выпотрошенного и промытого в студеной воде сига Егорча обильно солил изнутри и сверху, укладывал слоями в деревянную небольшую кадushку. Таковую засолку есть можно было уже спустя неделю, прямо так, сырой. Называется у местных «шилакка». Национальное карельское блюдо. Кадushку Егорча хранил надежно укрытой в специальной яме, в сенах, на холоде. Деревянную крышку сверху прикрывал тяжелым чурбаном от непрошенных гостей.

Однако день впереди. Размеренный в своем спокойствии, с чередой неторопливых обстоятельных дел. Егорча причалил, вынес сети на вешала. Затянул как следует, укрыл лодку. Изба стояла метрах в пятидесяти от берега, но густой ельник надежно укрывал ее от стороннего глаза. Не то что с озера, даже стоя на песчаном берегу ни за что не увидишь. Еле заметная тропка терялась в зарослях черничного куста, чуть уловимо стелилась, петляла между елей.

Улов обещал плотную уху на обед. Оставалось и на вечернюю жареху. Егорча вычистил рыбу, перебрал сети. Взял ружьишко, неспеша добрал на северную оконечность острова. Каменистый мыс полого уходил под воду, изогнувшись, подобно горбатой спине неведомого гада.

— Гад ты, Егор! Слышишь? Гад ползучий.

Егор устало вздохнул в сторону и посмотрел на Вику. У нее подрагивали губы и чуть дергался левый глаз. «Кто бы мог подумать, что такая истеричка», — мысли текли вяло и отвлеченно. Егору совершенно не нужны были эти запоздалые разговоры, но и какое-то внутреннее чувство того, что связывало их эти три месяца, не позволяло вот так просто развернуться и уйти.

— Почему было сразу не сказать, Егор? А?

— Тебе какая разница по большому счету, Вик? Я что-то обещал тебе разве с самого начала?

— Ты тварь, Егор. Я же верила тебе. Я к тебе привыкла, понимаешь ты это?

— Послушай, Вика. Наши с тобой отношения ни к чему ни одного из нас не обязывали. И по-моему, это было ясно с самого начала, не так ли? То, что в твоём представлении что-то со временем изменилось, не подразумевает моей вины. И я не хочу об этом говорить в таком ключе.

— Ты от меня скрыл, Егор. Скрыл то, что ты женат. — Вика как-то неожиданно успокоилась и взглянула на Егора с холодным отворачиванием. — Ты поступил как типичный ублюдок. И мне очень жаль оттого, что мне с тобой было действительно хорошо. И оттого, что я тебе по-настоящему, понимаешь, по-настоящему верила. И искренне верила в то, что у нас с тобой все получится.

— Думай, как знаешь. — Егору показалось, что утомительный ненужный ему разговор подошел к завершению. Он почти готов был развернуться и уйти из жизни Вики навсегда. Без последнего «прости».

Вика вытянула руки и изо всей силы толкнула Егора в грудь. От неожиданности Егор неуклюже завалился назад, взмахнув руками, а Вика ощутимо пнула его в голень, резко повернулась и пошла.

«Истеричка. Да и хрен с ней» — Егор потер саднящую ногу. «Развязался», — подумалось ему с облегчением. Нельзя сказать, что подобные ситуации заставляли его переживать. Возможно, минутный осадок, но не более. Эту толстокожесть Егор воспитывал в себе давно и вполне сознательно. Для легкого, как ему казалось, и рационального отношения к жизни.

В некоторой степени этому способствовала и специфика профессиональной деятельности Егора. Ежедневное телефонное общение с потенциальными клиентами, периодические срывы поставок, рекламации и прочие сопутствующие моменты трудовых будней среднестатистического менеджера отдела оптовых продаж подразумевали наличие определенной стрессоустойчивости. Которую Егор успешно делегировал и в сферу лично-интимной жизни.

Несмотря на ровный и внешне стабильный брак с Соней, «права на лево», как говаривал Егор в мужском кругу коллег, у него никто не отнимал. Историй, подобных их с Викой краткосрочным отношениям, у Егора было немало. Особого смысла в них он не видел, но и не считал нужным отказываться от естественного развития событий.

Егор даже находил некое удовлетворение от выражения лица очередной своей жертвы в момент кульминации отношений. Отчего-то ему казалось, что все они одинаковы и напоминают рыбу, вытасченную на берег с вытаращенными глазами и хлопающую ртом.

* * *

Егорча аккуратно закидывал в котелок первую партию рыбы на тройную. Днем он кашеварил на костровище около избы, колотые дрова для печки следовало беречь, да и топить днем смысла не было.

Перво-наперво отваривал мелочевку для наваара, сбрасывал рыбу в миску и складывал на второй круг пару-тройку крупных окуней. Хорошие куски судака, если попадался с утра, Егорча оставлял напоследок. Остальное жарил вечером уже на печи, в сковороде. Хотя позволял себе такое гурманство редко. Это для души скорее. Сидеть подле костра на корточках, помешивать в котелке подвязанной на оструганную палочку ложкой. Щуриться от дыма, всматриваясь слезящимися глазами, как нервно и жадно облизывают языки пламени черные бока закопченного котелка.

Зимой для рыбного промысла оставались только самоловки. Не имея ледоруба, оберегал их Егорча еще с ноября, поставив по темному осеннему льду и ежедневно откапывая и подрубая кромки полыньи всю зиму. За большую удачу считалось вытащить соплистого, склизкого налима с руку толщиной. В остальные дни бывало, приходилось и по неделе перебиваться крупами и тушенкой, что запасал Егорча загодя, совершая редкие походы в деревню. На это уходил обычно целый день, пока обернешься туда и обратно. Там же когда-то и было куплено старенькое ружьишко с моторкой у одного из местных дедков.

Егорча спустил рукав на ладонь и подхватил дужку котелка. Аккуратно и быстро сняв с поперечины, унес в избу. Как-то он подметил интересную особенность. Когда он готовил себе еду на острове, чувство голода, казалось, нарастало в процессе и достигало своего апогея как раз к тому моменту, как Егорча усаживался на скрипучий табурет в избушке с ложкой в руке. В то время как ранее, в их с Соней семейную бытность, все было наоборот, пока сварить, уже и есть как-то не особо хочется.

Соня ушла от Егора утром. Он так ничего и не понял поначалу. Осознание произошедшего приходило уже потом, какими-то отрывочными картинками. А сам тот разговор казался Егору нелепым вычурным фарсом, словно и не имеющим к нему самому отношения.

— Егор, я ухожу от тебя, извини.

— Что Соня? Не понял.

— Я люблю другого, Егор. Я не могу с тобой жить.

— Как?

— Я долго не говорила тебе. Может, я и виновата в этом, но быть с тобой дальше у меня не получится. Я не требую от тебя ничего, но прошу только об одном — не препятствовать подаче документов на развод. Хорошо?

— Откуда, Сонь? Кто это? Как давно?

— Это моя первая любовь, Егор. Правда, прости, но так бывает. Мне не хотелось бы тебя травмировать подробностями. Давай постараемся оставить частности в стороне и решить все просто и быстро.

— Я не понимаю, Соня. Что не так?

— Все так, Егор. Просто так бывает. И возврата к «нам» не будет. Я совершенно другая уже. И не вижу причин скрывать это и делать друг друга несчастными. Я очень хочу, чтоб у тебя все было хорошо. Искренне тебе этого желаю.

— Сонь, это все, знаешь. Так не бывает. Как такое могло случиться, Соня?

— Егор, я тебя умоляю. Не надо сцен. Я все для себя решила и очень прошу тебя отнестись к этому с пониманием. Я собираю сегодня вещи и ухожу. Не надо меня провожать и выслеживать. У меня будет другой номер телефона. Я подам документы на развод и после тебе позвоню, когда потребуются твое участие. И пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем. Так будет легче. И для тебя, и для меня.

Это было утро субботы. После того, как за Соней захлопнулась дверь, Егор просидел до темноты, уставившись невидящим взглядом в никуда. На столике в прихожей осталась лежать ее связка ключей с детским брелоком в виде розового улыбающегося слоненка.

* * *

Розовый слоненок долго был одним из самых навязчивых ночных кошмаров. Вытягивая хобот, он тянулся к Егорче, глумливо усмехался и беспрерывно пялился наглыми немигающими глазами. И все это происходило в будто бы осязаемой гнетущей тишине, которая, казалось, вливалась в уши тягучим вязким потоком. Егорча просыпался с беззвучным криком, раскидывал в стороны бушлат и старое ватное одеяло и некоторое время сидел на нарах, вслушиваясь в тишину.

А вокруг действительно была тишина. Егорча успокаивался, окидывая взглядом бревенчатые стены, останавливался на мутном пятне окна и укладывался заново. Эта непривычная по первости мертвецкая тишина словно проникала и в самого Егорчу, окутывая его защитной пеленой, вовлекая полноправной частицей в окружающее безмолвие.

Погода менялась с характерной для этих мест непредсказуемостью. Если вечер, бывало, утопал в невесомости абсолютного беззвучия, то наутро Егорча не раз просыпался под гудение ветра в кронах и шум прибоя, отчетливо доносившийся с побережья.

Егорча согревал нутро терпким крепким чаем и отправлялся на берег. Проверял вытащенную с вечера лодку. Покрытые белыми бурунами крутые волны остервенело штурмовали остров, разбиваясь белыми брызгами на мысах и раскатываясь белой шипящей полосой по пологому песчаному мелководью.

В такую погоду, ей-богу, словно было бы неспешно, со вкусом пить горькую, слушая уютное потрескивание сосновых поленьев в печи. Цеплять бы еще вдогон хрусткую квашеную капусту и сочно вгрызаться зубами в тугие малосольные.

* * *

После ухода Сони Егор пропил ровно месяц. Деньги, которые он занимал у всех подряд, Егор отдавать не собирался. Не было смысла дорожить хоть кем-то. И тем более дорожить собой. Все окружающее Егора слилось в размытую полосу пробегающего перед пьяным взором чужого холодного мира. Воспоминания тех дней рваными кусками вихрились в воспаленном сознании, никак не складываясь в мозаику хоть какой-то хронологии.

Видимо, в один из таких дней Егор как раз и оказался на углу набережной Карповки и Петропавловской. Стылый осенний ветер выдувал остатки тепла, задирает полы незастегивающейся куртки. Егора трясло с утра. У кого взять денег сегодня он еще не придумал.

Наблюдая за проезжающими трамваями, Егор докуривал последнюю из пачки и думал отчего-то, что он сродни этой жиже, выплескивающейся из рельс под колесами. Будто бы город выдавливал его из себя. Как ненужную ржавую грязь, хлюпающую брызгами.

К тому моменту, когда ему удалось выпасть из запоя в окружающую действительность, отношения с хозяйкой квартиры оказались безнадежно испорченными. Испитый, одутловатый Егор наскоро сменил квартиру на комнату в коммуналке, истратил последние деньги на переезд и холостяцкое обустройство и занялся поиском работы. Предыдущая, приятное дело, была бесповоротно утрачена. Егор не помнил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru